

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

КУЛЬПИН Э.С., КЛИМЕНКО В.В., ПАНТИН В.И., СМИРНОВ Л.М. ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. М.: ИАЦ ЭНЕРГИЯ, 2005.

Оказывается, в наше время коротких перебежек от одного гранта к другому возможно существование научного коллектива, который вот уже в течение почти 15 лет разрабатывает новое научное направление: концепцию социоестественной истории. И не просто разрабатывает, но обсуждает результаты этого мегапроекта на ежегодных научных конференциях в стране и за рубежом и публикует его промежуточные результаты. Всего за 1993–2005 гг. вышло 26 монографий и сборников. Не имея возможности сделать хоть сколько-нибудь содержательный обзор этого многолетнего труда, назову лишь некоторые, уже завершённые, темы проекта: «Решающий опыт» (1993), «История татар» (1994), «Генетические коды цивилизаций» (1995), «Бифуркация Запад-Восток» (1996), «Человек и природа — проблемы социоестественной истории» (1996), «Ландшафт и этнос» (1999), «Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе» (1999), «Природа и культура» (2001), «Русь между Западом и Востоком» (2001), «Природа и самоорганизация общества» (2002), «Природа и общество в глобализирующемся мире» (2005) и другие. Постепенно, хотя и непросто, но идет институционализация данного направления: читаются лекции, защищаются диссертации, готовятся учебные пособия.

Цель социоестественных исследований — системное осмысление исторических процессов с использованием разработанной Э.С. Кульпиным методологии социоестественной истории, междисциплинарной отрасли знания на стыке гуманитарных и естественных наук, которая изучает взаимосвязи, взаимодействие и взаимовлияние процессов, явлений и событий в жизни общества и природы. Хотя интеллектуальный костяк данного проекта составляют историки, в проекте участвуют географы, биологи, почвоведы и многие другие предста-

вители естественных наук. Источниковедческой базой проекта служат история хозяйства и вмещающего ландшафта, исследования о роли повседневной хозяйственной рутины (крестьянской) массы населения в формировании его отношений с природой и собственного менталитета. Современные социологи, часто ссылаясь на М. Вебера (а раньше — на К. Маркса), как-то упускают из виду, что «протестантская этика» и другие нормативно-ценностные системы основаны именно на формах и специфике хозяйственной деятельности (вспомним «Хозяйственную этику мировых религий» М. Вебера). А они, в свою очередь, развивались в пределах «вмещающего ландшафта», и если его воспроизводящая способность оказывалась исчерпанной, менялось практически все — численность населения, социальная организация, менталитет. К числу классических относится также фундаментальная работа П. Сорокина «Голод как фактор», в которой наш выдающийся соотечественник изучил влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Голод, как писал Сорокин, «деформирует все поведение людей по своему образу и подобию...» [1, с. 221]. Так что в своих глубинных методологических основаниях концепции социоестественной истории и социальной экологии — родственные дисциплины. Наконец, об эмпирике. Авторы проекта используют как вторичный анализ данных истории и других наук (в частности, факты и выводы фундаментального труда российского историка Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи» [2]), так и собственные полевые исследования.

Теперь о некоторых выводах рецензируемой книги. В главе «Истоки ментальности» Э.С. Кульпин (с. 7–86) приходит к выводу, что, «исследуя технологии, прежде всего, технологии основного хозяйственного процесса, мы можем увидеть отражение основных ценностей данной эпохи, страны, этноса» (с. 11). Автор считает, что «социально-экологический кризис — это кризис одновременно природы и общества, когда возникает явление резонанса: ускорение течения кризисных процессов в обществе вызывают кризисные явления в природе, которые в свою очередь ускоряют течение негативных процессов в обществе...». «Расширяя свой вмещающий кормящий ландшафт, люди не могли предвидеть, что это расширение в будущем бумерангом ударит по их потомкам» (с. 12–13). Замечу, что «эффект бумеранга» — одна из составляющих современной концепции общества риска (У. Бек).

Анализируя процесс становления основных ценностей российской цивилизации, Э.С. Кульпин приходит к выводу, что возвышение ее главной ценности — государства — берет начало в XV в. в специфических условиях интенсивного наступления пашни на лес. В условиях растущего дефицита земли и ее национализации ценность «слу-

жения государству» входит в ряд основополагающих ценностей российского общества (с. 43). Во времена петровских преобразований «в области общественного бессознательного была сформирована целостная система основных ценностей российского общества, в которой ценностями 1-го порядка стали *государство и интенсивное развитие*, 2-го — *неформальный социальный договор, служение и порядок*, 3-го — *государственное регулирование, иерархия, знание*» (с. 56). В постпетровские времена «произошел разрыв единой социальной ткани, и на месте одного общества образовалось два социальных организма: дворянский и крепостных крестьян...». «Снижение урожайности и рождаемости — два самых ярких показателя жизни крепостного крестьянства в течение XVI — первой половины XIX вв. ... В крестьянской системе обыденных ценностей, как и на Востоке, стабильность заняла место развития» (с. 77–78). Более того, возникла архаизирующая тенденция — возврат к миру, порядку, традиции, ритуалу и общинной организации. «Верхи стали жить по формальному, низы — по обычному праву» (с. 81).

В главе, написанной В.И. Пантиним, рассматриваются истоки, характер и последствия второго социально-экологического кризиса (1861–1917 гг.) (с. 87–128). В России этого периода, полагает автор, «реально сосуществовали две различные системы ценностей — традиционная российская, в основе которой лежало Государство, и начавшая формироваться западноевропейская, в основе которой лежала Личность». Попытки ускоренного и насильственного насаждения «более прогрессивной» западноевропейской системы ценностей привели к реакции, возрождению наиболее архаичных элементов традиционных ценностей (с. 87). В.И. Пантин на основе построения хроник развития городского управления, права и судебной системы, а также образовательной сферы в России (метода, все чаще используемого социологами при исследовании «случаев») заключает, что этот кризис «берет свое начало в первой половине XIX в., когда замедлились темпы внешней аграрной колонизации, служившей основой экстенсивного развития, и наметилось технологическое отставание России от стран Западной Европы». Первопричина — исчерпание возможностей техники и технологии земледелия, которые мало менялись на протяжении XVII—XIX вв. (с. 110–111).

Опираясь на работы историков географии, почвоведов и других естественников, Пантин показывает, что сочетание нескольких процессов — истощения почв (в результате роста численности скота при сокращении пастбищных угодий), климатических изменений, связанных с глобальными природными процессами, а также неэффективной российской аграрной политики — привели к серии неурожаев, затем

к голоду и эпидемиям 1891–1892 гг. Это был второй социально-экологический кризис. «Именно после тяжелейшего голода 1891 г. в России начинается подъем революционного движения», охватившего город и деревню (с. 112–115). Автор полагает, что в конце 1970-х годов СССР столкнулся с приближением третьего социально-экологического кризиса, в основе которого «лежало исчерпание возможностей уже не аграрной, а индустриальной колонизации» (с. 123).

Л.М. Смирнов исследует представления людей о мире и о себе в современной России (с. 129–168). Эта глава имеет еще два подзаголовка: «Предпочтения и антипредпочтения россиян» и «Общественное бессознательное современной России и его отражение в массовых опросах», что затрудняет восприятие текста, поскольку «представления», «предпочтения» и «общественное бессознательное» — это разные предметы исследования. Опираясь на данные всероссийских массовых опросов 1993, 1995 и 1999 гг., а также на собственные исследования, Смирнов приходит к двум, на мой взгляд, взаимно противоречащим выводам. С одной стороны, автор утверждает, что «несмотря на наличие некоторых отличий выбора ценностей, скорее следует говорить об относительной однородности структуры выбора базовых ценностей...». С другой — он утверждает, что есть разрыв в базовых ценностях: разобщенность с властью, недоверие к ней, но одновременно «никаких других средств, кроме сильного государства как средства выживания и исполнителя необходимых действий» (?) люди не видят (с. 166). К тому же «выбор» ценностей самим индивидом и их вычленение аналитиком из «коллективного бессознательно-го» — разные материи и плоскости анализа.

Глава В.В. Клименко «История климата Восточной Европы за последние 2000 лет» (с. 169–189), казалось бы, уже совсем не по нашей части. Однако не будем торопиться. В конце 1980-х годов я сам был свидетелем того, какое раздражение у научной элиты АН СССР вызвал доклад член-корреспондента М.И. Будыко, автора первой в стране книги по глобальной биосфере — о начавшемся потеплении климата. Вспомним также растущий интерес социологов к концепции «длинных волн» Н. Кондратьева. А если учесть долговременные обязательства России по Киотскому протоколу и грядущее ее вступление в ВТО, то знание долгосрочных климатических трендов — вещь не-оценимо важная для обществоведов.

Клименко акцентирует три принципиальных момента. Во-первых, без знания закономерностей изменения климата в прошлом невозможно предсказать климатические условия будущего (достаточно напомнить, какой урон был понесен из-за аномально суровой зимы 2005–2006 гг.). Во-вторых, прошлая и настоящая история чело-

вещества неразрывно связаны с колебаниями климата. В-третьих, появилась реальная возможность комплексной реконструкции исследуемой динамики на основе математического моделирования, анализа письменных источников, использования палинологических, гляциологических и других методов. Автор приходит к выводу, что «со второй половины XX в. на территории Центральной России происходит антропогенно обусловленное потепление, максимально выраженное зимой. Каких-либо признаков изменения летних температур в контексте тысячелетней истории климата не наблюдается» (с. 185).

В целом для социолога исследования, подобные рецензируемому, имеют принципиальное значение в нескольких планах. «Длинные волны» истории российской природы и общества — это волны социоестественные, спаянные воедино. Сегодня нет отдельно «природы» и «общества» — есть ресурсно-зависимое общество и социализированная природа, что совсем иная онтологическая и эпистемологическая материя. Одно дело «учитывать» естественнонаучное знание непосредственно и другое — его социально интерпретировать. Совместная работа участников мегапроекта по социоестественной истории рождает новые гипотезы и новые методы. Наконец, если до сих пор мы интересовались влиянием рынка на все живое и не очень, то теперь оказывается, что мировой рынок весьма чувствителен к нашей истории с географией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003.
2. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XIX — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.

О.Н. Яницкий,
доктор философских наук